

Лай Чэн снял наушники, вытянул шею и посмотрел в сторону, откуда доносился странный запах.

Южная часть жилого комплекса «Весенний прилив реки» располагалась прямо у воды. Рядом с зелёной аллеей вели две тропинки, напрямую выходящие к берегу. Хотя этот участок набережной не являлся частной территорией жильцов, посторонние сюда почти не заходили.

Зимой у берега было уныло и пустынно, почти никого не встретишь. Зато весной и летом здесь было оживлённо: ставили палатки, устраивали шашлыки, запускали фейерверки, смотрели на звёзды... чем только не занимались.

Чтобы создать удобства для жильцов, в начале этого года, а может, ещё в прошлом, управляющая компания установила на берегу несколько хозблоков — что-то вроде контейнеров, в которых живут рабочие на стройках. В них можно было хранить вещи, не нужные дома.

С наступлением осени на этот берег почти никто не приходил, не то что в хозблоки — даже на сам гальку.

Странный запах исходил как раз из одного из этих контейнеров.

Лай Чэн немного поколебался, а затем, наклонившись к своему самоеду, сказал:

— Пойдём посмотрим?

Собака, не поняв слов, глуповато склонила голову набок:

— Ау?

— Словно играю на скрипке перед собакой... — пробормотал Лай Чэн с иронией и, потянув за поводок, направился с самоедом по узкой дорожке примерно в километре впереди.

На дорожке тоже стояла проходная. Лай Чэн приложил карту, открыл шлагбаум и, по сути, вышел за территорию жилого комплекса.

Самоед возбуждённо тянул его вперёд, но чем ближе они подходили к контейнеру, тем сильнее у Лай Чэна росло какое-то странное, необъяснимое беспокойство.

На гальке у берега не было уличных фонарей. Всё освещение исходило от зелёной аллеи в жилом комплексе и общего городского фона.

Запах становился всё резче. Лай Чэн хотел найти палку, чтобы издали толкнуть дверь хозблока, но, покопавшись, ничего подходящего не нашёл. Пришлось подобрать несколько гальчатых камней и с осторожностью бросить их в сторону двери.

Дверь была не заперта — от удара приоткрылась, но тут же снова захлопнулась.

Лай Чэн тихо выругался и, сжав зубы, подошёл к двери сам.

Самоед вдруг пришёл в сильное возбуждение — не дожидаясь, пока Лай Чэн откроет дверь, он с рывком бросился вперёд.

В тот момент, когда дверь распахнулась, наружу вырвался волной невыносимый смрад.

Лай Чэн чуть не вырвало, он тут же отдернул собаку назад. Но послушный обычно самоед на этот раз как будто сошёл с ума — с остервенением пытался прорваться внутрь.

Даже приложив усилия, Лай Чэн не удержал поводок — собака сорвалась и вбежала в хозблок, воодушевлённо завывая. Выругавшись, он поднял верёвку, что упала на землю, и, с усилием, всё же вытащил самоеда обратно.

Но стоило ему взглянуть на собаку — сердце бешено забилося. Белоснежная шерсть самоеда оказалась испачкана чем-то грязным.

И тут до него дошло, откуда взялся этот смрад.

Он включил фонарик на телефоне, снова распахнул дверь хозблока и медленно повёл луч света по узкому и тёмному помещению.

Ничего. Вроде бы — ничего.

Но на полу и стенах — большие тёмные пятна.

Лай Чэн судорожно сглотнул, поднял взгляд... и, заметив «это» под потолком, его зрачки резко сузились. Он на шаг отступил, выпустил поводок из рук — и закричал от ужаса:

— А-а-а!!!

***

Ночной речной ветер дул особенно сильно. Оцепление хлопало от натяжения. По зелёной аллее толпились жители — услышавшие крик, они спешили к месту происшествия. Владельцы

квартир с южной и северной частей комплекса, казалось, временно забыли о своих расправах — плечом к плечу, бок о бок, они образовывали плотную живую стену.

Мощные прожекторы ярко освещали хозблок, делая лица каждого полицейского бледными, как бумага.

Тело мужчины висело, подпертое металлическим каркасом, прямо под потолком. Острые торчащие штыри пробили его грудь, живот, плечо, шею и оба бедра. Вся конструкция была покрыта кровью, стекавшей с его тела.

Вынести тело представлялось большой проблемой: если срезать каркас, это может повредить важные улики, но если оставить — работать судмедэкспертам и криминалистам будет крайне затруднительно.

— Пока оставьте всё как есть, — сказал Сяо Ман, уже полностью облачённый в защитный костюм. — Я поднимусь, посмотрю.

Минг Шу стоял у входа, подняв голову к лицу жертвы.

Глаза у мужчины были вырваны — на их месте зияли кровавые дыры, а полуоткрытый рот был полон крови. Если его догадка верна — убийца ещё и отрезал жертве язык.

Вырезать глаза. Отрезать язык. Пронзить тело стальными штырями... Сколько же ненависти надо испытывать к человеку, чтобы вот так его убить?

Размышляя об этом, Минг Шу обернулся и взглянул на тёмную воду реки.

Что хотел сказать убийца, оставив тело именно здесь?

И этот странный, жуткий способ размещения...

Издали донёсся низкий гудок. Баржи начинали работу по ночам.

А ещё на этой реке жили рыбаки.

Минг Шу когда-то имел с ними дело — порой они развешивали пойманную рыбу сушиться в домиках на берегу.

Убийца... «развесил» труп?

— Внутри всё прибрано, — подошёл Сяо Ман, — найдены только свежие следы. Они

принадлежат тому, кто сообщил о происшествии. Что касается металлического каркаса, по моим предварительным оценкам, он сделан из того же материала, что и железные ворота жилого комплекса. Судя по распределению пыли, его поставили тут совсем недавно.

— Накануне китайского Нового года здесь уже случилось происшествие, — сказал Минг Шу. — Тогда управляющая компания закрыла выход на южную зелёную аллею, чтобы жители северного района не могли туда проходить.

И Фэй хмуро предположил:

— Это жуткое убийство... не может ли быть мстью за ту историю с проходом?

Минг Шу покачал головой:

— Пока рано делать выводы.

Каркас разобрали, тело перенесли на гальку у берега.

Син Му принялся за предварительное вскрытие. Минг Шу ещё немного осматривал место, затем подозвал всё ещё дрожащего Лай Чэна.

Тот явно был в шоке от увиденного в хозблоке — взгляд стеклянный, от прежнего Лай Чэна не осталось и следа.

— Почему ты вообще сюда пошёл? — спросил Минг Шу.

— Гулял с собакой, — весь в холодном поту, Лай Чэн выдавил из себя. — Унюхал запах... и... пошёл посмотреть.

— Ты сейчас один живёшь? — уточнил Минг Шу.

Лай Чэн безжизненно кивнул:

— Отец уже давно мной не занимается.

— Сюда вообще кто-то приходит? — снова спросил Минг Шу.

— Нет... здесь холодно.

Минг Шу взгляделся в лицо парня. Понимая, что в таком состоянии он ничего путного не

скажет, он хотел уже поручить Фану Юаньхану отвести Лай Чэна обратно в жилой комплекс, как вдруг почувствовал, что его потянули за одежду.

Лай Чэн схватил его за край куртки, глаза его были полны паники:

— Вы... вы уже знаете, кто это?..

Лицо погибшего было сильно изуродовано, при нём не оказалось никаких документов, по которым можно было бы установить личность. К счастью, отпечатки пальцев уцелели, но сверка займёт время.

Минг Шу собирался объяснить это, но вдруг понял, что эмоциональное состояние Лай Чэна ненормальное, и вместо этого спросил:

— Ты знаешь, кто погибший?

Лай Чэн открыл рот, потом снова, и наконец прошептал:

— Кажется... кажется, это...

— Кто это? — тихо спросил Минг Шу.

— Я не знаю... — Лай Чэн сглотнул, — но мне кажется, я... я видел его раньше.

Минг Шу резко втянул воздух:

— Кем он тебе показался?

Глаза Лай Чэна покраснели:

— Похоже... похоже, это мой папа. Я... я только что пытался ему позвонить. Но... не дозвонился...

Сказав это, он окончательно сломался — опустился на корточки, содрогаясь и рыдая.

Син Му, встав с колен у тела, пошатнулся. Фан Юаньхан тут же подскочил и поддержал его:

— Учитель Син, вы в порядке?

Син Му покачал головой, показывая, что всё хорошо.

К ним подошёл Минг Шу:

— Учитель Син?

— Извините... просто... — Син Му приложил ладонь к груди, — тут... немного сердце сжалось. Почему в последнее время все дела такие жестокие?..

Минг Шу сразу понял:

— Жертва была жива, когда её проткнули?

Син Му кивнул:

— На теле явные следы борьбы. Во всех местах, куда прошли прутья, есть признаки жизненных реакций. Причина смерти — обильная кровопотеря. Это и есть место убийства.

Минг Шу мрачно уставился на окровавленное лицо погибшего.

— Чтобы заглушить крики, убийца обмотал ему лицо несколькими слоями клейкой ленты, — продолжил Син Му. — Сейчас лента уже снята, но следы от неё отчётливые. Руки и ноги жертвы были связаны, а освободил он их уже после смерти. Я думаю, убийца смотрел, как умирает жертва, а потом снял скотч, развязал верёвки и ушёл.

Сделав паузу, Син Му добавил:

— Перед уходом он ещё и выдавил жертве глаза... и изуродовал рот.

— Даже если рот был заклеен, — сказал Фан Юаньхан, — в Южном районе тихо, стоны всё равно могли бы кто-то услышать.

Минг Шу покачал головой:

— Ты только послушай, как завывает ветер и шумит река. Любой крик в этом месте утонул бы в этих звуках.

Тело быстро упаковали в мешок и отправили в криминалистический центр. Сверка отпечатков пальцев и ДНК подтвердила личность погибшего: Лай Сюлян, 45 лет, в разводе, партнёр компании «Лянчэнь Технолоджи».

Он же — отец Лай Чэна.

Лай Чэн пришёл в уголовный отдел, но так и не зашёл в морг опознать тело. Он всё это время сидел на скамейке в коридоре — больше не плакал, но и не выглядел так, будто до конца осознал, что его отец убит. Он тихо бормотал себе под нос что-то невнятное.

Сяо Юань несколько дней назад уехал в столицу и сейчас находился в составе Специальной оперативной группы. Все дела отдела тяжких преступлений временно вел один Минг Шу.

— Всё это выглядит как продолжение конфликта, случившегося в этом районе, — сказал Минг Шу. — Мы уже выяснили, что металлическая конструкция, которой пронзили тело, — это и есть те железные ворота, что раньше стояли у входа на прогулочную тропу.

На стене играла проекция с фотографиями с места преступления. Минг Шу продолжил:

— Эти ворота разобрали вечером третьего дня Нового года и сложили в складском помещении Южного района. По словам кладовщика, после праздников их собирались сдать. Но часть конструкций пропала. Это помещение — свалка, туда складывают всё ненужное, его не запирают, камер нет, и туда почти никто не заходит. Пока мы не попросили пересчитать прутья, никто и не заметил пропажи.

— Кто-то украл их и отнёс к реке, — сказал И Фэй. — Для убийцы эти прутья что-то значат, иначе он бы не стал рисковать и тащить их оттуда.

Минг Шу отложил ручку:

— Поэтому я и говорю, дело, скорее всего, связано с недавним конфликтом. Жертва, Лай Сюлян, — житель Южного района, обеспеченный человек, жил в особняке с личным садом. Он олицетворяет образ зажиточного южанина. Не исключено, что это расправа со стороны кого-то из владельцев недвижимости Северного района, кто испытывает ненависть к таким, как он. Но тут есть одна несостыковка.

Минг Шу сменил интонацию:

— Если предположить, что убийца — житель Северного района, то почему жертвой стал Лай Сюлян?

— Он ведь вообще не жил в своем доме в «Весеннем приливе реки», — добавил И Фэй. — У него по всему Донгье четыре дома — и везде либо виллы, либо элитные апартаменты. А эта — жильё его сына. Сам он жил в Северной части города, ближе к своему офису.

— Вот именно. Человек, который почти не появлялся в «Весеннем приливе реки», — почему именно он стал жертвой? Какая-то это неубедительная версия, — заключил Минг Шу.

— Но если всё же предположить, что с тем конфликтом это не связано, — сказал Фан Юаньхан, — зачем тогда убийце было заморачиваться и красть именно те прутья? Ведь можно было использовать более простой способ. И место он выбрал тоже специфичное — галька у самой границы комплекса.

В переговорной стало шумно: все высказывали свои предположения.

Минг Шу слушал и обдумывал, а затем сказал:

— И Фэй, проверь всё, что связано с Лай Сюляном и его компанией. А ещё... я уже сталкивался с этим парнем, Лай Чэном. Он замкнутый, отстранённый, трудно ему сочувствовать другим. Я думаю, не исключено, что такой характер — это результат влияния со стороны старших.

Небо уже начинало светлеть, а Лай Чэн всё ещё сидел в коридоре.

Минг Шу похлопал его по плечу и протянул стакан горячего какао:

— Сейчас ты можешь ответить на мои вопросы?

Руки Лай Чэна дрожали, когда он держал чашку. Через несколько секунд он поднял голову — в глазах была пустота.

Минг Шу сказал:

— Пойдём со мной.

Лай Чэн отреагировал не сразу, но, когда Минг Шу прошёл несколько шагов вперёд, всё же встал и, словно тень, поплёлся за ним.

Минг Шу привёл его в небольшую переговорную, включил свет, закрыл дверь.

— Садись.

Лай Чэн сел. Голос у него был хриплым:

— Вы уже знаете, кто его убил?

— Нет. Даже зацепок нет, — ответил Минг Шу. — Поэтому, несмотря на то, что тебе сейчас тяжело, мне нужно, чтобы ты рассказал, что знаешь о своём отце.

Лай Чэн машинально пил какао:

— Я... почти ничего о нём не знаю. Он столько дней не выходил на связь, а я даже не волновался.

На лице Лай Чэна Минг Шу увидел глубокое раскаяние.

— Когда ты видел его в последний раз?

— Перед Новым годом. Где-то двадцать какого-то числа по лунному календарю, когда начались зимние каникулы. Он отвёл меня в ресторан японской кухни. Я спросил, будет ли он со мной встречать Новый год. Он сказал, что на работе дела и, возможно, не успеет.

— И после этого вы не связывались?

— В канун он звонил. Напомнил, чтобы я поздравил бабушку с праздником. Она живёт в деревне, и он каждый год меня просил.

— А он знал о конфликте в жилом комплексе?

— Я не знаю... я ему ничего не рассказывал.

Минг Шу немного помолчал, затем спросил:

— Как бы ты описал своего отца? У него были враги?

— Он... — начал Лай Чэн, но сразу же замолчал.

— Подумай хорошенько, — сказал Минг Шу. — Может быть, ты сможешь нам выйти на важный след.

Лай Чэн поднял глаза:

— Вы, наверное, думаете, что я хладнокровный.

Минг Шу немного удивился.

— Он был таким же. Холодным. — Лай Чэн усмехнулся, но в этой улыбке сквозила горечь. — Я словно его копия. Мне трудно чувствовать чужую боль. Более того, иногда, когда я вижу, как другим плохо, я испытываю... какое-то странное удовлетворение. Ты спрашиваешь, были ли у

него враги. Я не знаю. Я даже не знаю, чем конкретно он занимался. Знаю только, что он умел зарабатывать деньги и был ко мне щедр. Что бы я ни просил — он давал.

Лай Чэн, словно вспомнив сцену в подсобке, вздрогнул всем телом.

— Его убил кто-то, кто его ненавидел? А следующий... не я ли?

***

Южное предместье Лочэна, горный курорт с горячими источниками «Тяньюэ».

Купание в горячем источнике — одно из главных удовольствий зимы. Раньше это считалось роскошью, но теперь даже рабочий человек может за пару десятков юаней побаловать себя горячей ванной.

Правда, в городе мало действительно хороших источников. Многие места, выдающие себя за бани с минеральной водой, на деле просто подогревают воду, а санитарные условия там оставляют желать лучшего.

В последние десять с лишним лет «Тяньюэ» считался самым престижным термальным курортом Лочэна. Средний чек на одного человека достигал нескольких тысяч юаней, а если остаться на ночь и поужинать, сумма могла перевалить за десятки тысяч.

Упомянув «Тяньюэ», многие только качали головой: «Никогда не был. Не по карману. Это для богатых».

Однако три года назад курорт расширился на восток, открыв зону для клиентов со средним достатком. Там средний чек на человека удерживали в пределах 800 юаней.

Хотя и это по-прежнему выше, чем в большинстве городских бань, но уже не казалось недоступным. Сначала туда поехала молодёжь «на разведку», а потом потянулись и семьи постарше.

Каждый год на китайский Новый год восточная часть «Тяньюэ» пользовалась бешеным спросом. Люди, уставшие за год, стремились отдохнуть в праздничные дни. Без предварительной записи за неделю туда было не попасть.

А вот в западной части курорта, где обслуживались только VIP-клиенты, наоборот, в праздники почти никого не было.

Богачи обычно предпочитали приезжать в «Тяньюэ» в будние дни. На праздники они уезжали за границу или ходили на приёмы — никто не спешил толпиться там в популярные дни.

Восточную и западную части соединяла тихая горная тропа. Праздничная атмосфера в этих двух зонах была абсолютно разной.

В последние дни работники восточной зоны заметили, что среди посетителей стало больше пожилых — молодёжь-то уже вернулась на работу.

Пожилые, купаясь в источниках, имели одну нехорошую привычку — сидеть в воде слишком долго и не хотеть выходить. Не раз случалось, что пожилой человек терял сознание прямо в воде, поэтому сотрудники всегда были начеку.

К концу рабочего дня несколько пожилых клиентов всё ещё не вышли.

Служащая по имени Чэнь Мянъ пошла их поторопить.

— Вы не чувствуете странный запах? — сказал один из стариков.

У Чэнь Мянъ дёрнулся уголок глаза:

— Какой может быть запах? У нас же лучшие источники во всём Лочэне.

— Нет, правда, пахнет странно, — вмешался другой. — Запах идёт снизу.

Чэнь Мянъ подумала: Запах? Да это же, небось, ваша моча.

Такие случаи — не редкость. Посетители часто справляли нужду прямо в воду. Персонал уже давно к этому привык, хоть и чувствовал отвращение.

Постояльцы, наконец, вышли из воды, но, уходя, настойчиво напомнили:

— Девочка, вы там проверьте хорошенько. Запах из канализации. Вдруг что-то засорилось, загнило. Тогда беды не оберётесь.

***

Столица. Специальная оперативная группа.

В конференц-зале стояла тишина. Из динамиков доносился голос Чжоу Ланя, дававшего показания на допросе.

Сяо Юань сидел на краю стола, Шэнь Сюнь опирался щекой на ладонь.

Видео закончилось. Сяо Юань сказал:

— Мы полностью изучили семьи этих троих. Их крайние черты характера не были следствием воспитания. Другими словами, у них с рождения были антисоциальные наклонности. До старшей школы они это скрывали, а в первом классе лицея, найдя единомышленников, получили чувство «признания» и «принадлежности», что и подтолкнуло их к совместному преступлению.

— «Обрести друг друга» — вот ключевой момент, когда они начали превращать злой умысел в действие, — сказал Шэнь Сюнь. — Но подростки с антисоциальной личностью куда легче поддаются внешнему влиянию, чем взрослые.

Сяо Юань ответил:

— Пока что мы не обнаружили никакого внешнего воздействия. Все влияние исходило исключительно изнутри их маленькой группы.

Шэнь Сюнь встал и прошёлся по комнате:

— Но ты всё же подозреваешь, что у них был внешний толчок. Иначе ты бы не приехал сюда лично.

Сяо Юань кивнул:

— Ни я, ни капитан Минг не думаем, что это простое дело. Хотя на самом деле я приехал к тебе ещё и по другой причине.

<http://bllate.org/book/14859/1322029>